Василий ГРИШАЕВ

ОТЕЦ И СЫН

ИСТОРИЯ ОДНОГО АРХИВНОГО ПОИСКА

1

Вся моя работа в архиве — это цепь увлечений то одним, то другим человеком. Порой наткнешься случайно на интересный факт, захочется узнать побольше — и пошло-поехало! Благо, весь архив к твоим услугам.

Увлекательное это дело — раскапывать, восстанавливать по кусочку чью-то жизнь, скрытую в тумане лет! Правда, нередко такая работа в план не входит — она для души. Стало быть, внакладку к плану. Но что за беда! Эти накладки, которые для души, и составляют главную привлекательность, если хотите, даже романтику работы архивиста — она только человеку недалекому кажется скучной.

Поиск, о котором я хочу рассказать, начался с отца. И начался тоже случайно.

Года три тому назад я увлекся Николаем Михайловичем Ядринцевым. Переворошил кучу архивных дел в поисках документов о пребывании Ядринцева в Барнауле. Только мало их оказалось, этих документов. Как известно, 1 июня 1894 года Николай Михайлович прибыл в Барнаул на должность заведующего статистическим бюро Алтайского округа, а 7 июня внезапно скончался.

Кто знает, что сделал бы этот необыкновенный человек для общественной, культурной жизни города и края, не обойдись с ним судьба так жестоко!.. Но он оставил лишь один след на земле барнаульской — свою могилу. Да и та чудом уцелела, когда по чьему-то неразумному решению было уничтожено старинное Нагорное кладбище, а вместе с ним захоронения людей, составляющих гордость и славу Алтая: К. Д. Фролова, Ф. Д. Геблера, С. И. Гуляева, В. К. Штильке и др.

В поисках документов о Ядринцеве я впервые встретил фамилию Д. И. Зверева. Даже не фамилию, а вот какое прошение:

«Его Превосходительству господину Начальнику Алтайского округа

Действительного студента Санкт-Петербургского Императорского университета Дмитрия Ивановича Зверева.

Получив известие, что должность заведующего статистическим бюро при Главном Управлении Алтайского округа остается вакантною, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о назначении меня на эту должность...

21 октября 1894 г. Дм. Зверев».

17 мая 1895 года Зверев уже донес рапортом о прибытии в Барнаул и вступлении «в отправление возложенных на него по службе обязанностей».

Я пометил в тетрадке, что вместо Ядринцева прибыл из Полтавы «действительный студент» Зверев, немного поломал голову над тем, что означает это звание для человека, окончившего университет восемь лет назад (это вычитал в прошении), но ни до чего не додумался и задвинул пока Зверева в дальний угол памяти.

Также без особого интереса перелистал подвернувшиеся как-то под руку документы статистического бюро: рапорты, отчеты и цифры, цифры, цифры... Правда, за этими цифрами крылся не маленький труд. Бюро, 8—10 человек, за первые же годы издало четыре тома «Материалов по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде» общим объемом 798 страниц, а также 10 годовых сельскохозяйственных обзоров округа (11-й остался незаконченным). Для подготовки этих обзоров Зверев завел обширную, более четырехсот человек, сеть добровольных корреспондентов. Они регулярно присылали нужные сведения по довольно объемистому, заранее разработанному вопроснику. С 1896 года в ведение бюро перешли метеостанции округа (к 1902 году их насчитывалось 65).

Судя по его рапортам и отчетам, Зверев был человеком увлеченным, горячо любившим свое дело. В его довольно смелых суждениях отчетливо чувствовался необычный для царского чиновника демократический, что ли, душок. Он настойчиво выдвигал планы всестороннего статистического исследования Алтая, а целью этих планов было, как нетрудно по ним догадаться, открыть глаза властям на бедственное положение крестьян-переселенцев, хлынувших от малоземелья в Сибирь, и на еще более бедственное положение местных народностей (инородцев), стонущих под двойным гнетом царских чиновников, обирал-купцов и своих не менее жестоких и жадных баев и зайсанов.

Электронная библиотека АГУ elib.altlib.ru

Но планы Зверева, мягко выражаясь, не совпадали с планами Кабинета. Деньги на прожекты неугомонного статистика он отпускал с каждым годом меньше, тем более, что дела в царской вотчине шли все хуже, убыточней. А с 1 января 1908 года статистическое бюро было вообще упразднено; из его служащих Зверев один остался в округе на скромной должности чиновника по обследованию земель.

2

Некоторое время спустя я «заболел» Василием Константиновичем Штильке, известным просветителем, одним из самых милых сердцу моему людей в дореволюционном Барнауле. И вот, просматривая документы «Общества любителей исследования Алтая» (Штильке был одним из его основателей), я увидел фамилию Д. И. Зверева чуть не в каждом протоколе заседаний совета. Начиная с 1900 года и до 1918-го он был почти бессменным членом совета, казначеем, товарищем председателя.

«Общество любителей исследования Алтая» (с 1902 года — Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества) при крайне скудных, особенно вначале, средствах и возможностях сумело сделать немало добрых дел: организовало несколько научных экспедиций, в основном в Горный Алтай, провело исследования жизни и быта переселенцев, однодневную перепись в г. Барнауле (в 1894 г.); до сих пор не утратили научной и познавательной ценности изданные Обществом (подотделом) 12 выпусков «Алтайского сборника» с историческими, этнографическими и статистическими материалами.

Глядя на эти пожелтевшие от времени томики, я нередко ловлю себя на мысли, что нынешняя когорта барнаульских историков пока уступает по продуктивности горстке энтузиастов Общества, ядро которого составляли статистик С. П. Швецов, ботаник В. И. Верещагин, энтомолог Е. Г. Родд, архивариус Н. С. Гуляев, горный инженер И. И. Биль. Сюда, видимо, надо отнести и Д. И. Зверева, хотя роль его, судя по документам, была в основном организаторской.

В 1911 году по ходатайству подотдела Главное управление округа передало ему библиотеку из 25 тысяч томов, собиравшуюся со времен И. И. Ползунова. Сохранись она до наших дней — цены бы ей не было. Но, увы!.. Не так революция, как позднейшие бесчисленные реорганизации и пертурбации с учреждениями культуры привели к тому, что библиотеку растащили. Остатки ее можно найти в краевом краеведческом музее.

В 1913 г. Главное управление округа передало подотделу здание бывшей Главной лаборатории под музей. Он размещается там и поныне, хотя тесно ему давно в стенах старой лаборатории...

Словом, Общество (подотдел) оставило след в научной и культурной жизни края, и определенная заслуга в этом принадлежит, несомненно, Д. И. Звереву.

Но особенно возрос мой интерес к нему после того, как в мои руки попали документы Томского губернского жандармского управления. Вот что я там вычитал:

«...Статистическое бюро Главного управления Алтайского округа состоит исключительно из лиц, состоящих под негласным надзором полиции и секретным наблюдением: Д. И. Зверев, Н. Б. Шер, С. П. Швецов, С. П. Бедрин, Н. Т. Шерстобитов» (политический обзор за 1898 год).

А еще сильнее сказано в политическом обзоре за 1899 год: «...Положение неблагонадежных лиц в Барнауле настолько упрочено, что между чиновниками Алтайского Главного управления существует, например, следующее убеждение, что для поступления в статистическое бюро необходимо иметь аттестат о политической неблагонадежности, и, действительно, бюро это, со Зверевым во главе, состоит исключительно из неблагонадежных лиц».

Оказывается, Зверев с 30 апреля 1886 года, то есть еще со студенческих лет, состоял под негласным надзором полиции.

Теперь у меня уже не вызывало сомнений, что Дмитрий Иванович Зверев — человек интересный, незаурядный. Однако заняться им вплотную все не хватало времени.

Но вот около года назад я получил из Новосибирска письмо от моего давнего и доброго знакомого Бориса Павловича Бочкарева. Борис Павлович — старый барнаулец, к тому же краевед, следовательно, прекрасный человек. Любовь к родному краю он унаследовал, я полагаю, от отца, бывшего топографа Алтайского округа, страстного фотографа. Часть его фотографий Борис Павлович прислал в наш архив вместе со своими интересными воспоминаниями.

Борис Павлович спрашивал меня в письме, читал ли я вышедшую в 1980 году в Алма-Ате повесть «Заимка в бору». Повесть автобиографическая, в ней немало интересного о старом Барнауле; автор повести — Максим Зверев, сын бывшего заведующего статистическим бюро Алтайского округа, возможно, мне доводилось встречать эту фамилию в документах.

Доводилось, дорогой Борис Павлович, доводилось! Если б вы знали, какой подарок мне преподнесли!..

3

Трудно составить полное представление о человеке лишь по официальным документам. По-моему, мало для этого и одних воспоминаний. Вот когда есть то и другое, картина получается не только достоверной, но и живой, зримой. Человека уже не только знаешь, но как бы видишь. Конечно, найти воспоминания порою трудней, чем документы. Но со Зверевым мне повезло.

С весны прошлого года лежит в моем столе заветная папка с надписью: «Отец и сын». Я уже как-то не представляю их порознь, для меня они — одно целое, как, допустим, дерево и его корни.

Максим Дмитриевич оказался челове-

ком отзывчивым или, как раньше говорили, обязательным. Несмотря на возраст (ему 86) и большую занятость, он отвечает на мои письма обстоятельно и без задержки; выслал фотографии родителей, два (все, что сохранилось) письма отца к матери, текст ее несостоявшегося (сил не хватило от горя) выступления на похоронах отца, некролог из томской газеты «Красное знамя». После изгнания колчаковцев Д. И. Зверев работал в Томске помощником заведующего губстатбюро, там и умер в 1924 году. Прислал Максим Дмитриевич немало и своих биографических документов, а также несколько книг, в том числе и «Заимку в бору».

За это время ее прочитали уже несколько моих знакомых, и все в один голос удивляются, до чего свежо и молодо она написана. Просто не похоже, говорят, что автору за восемьдесят и описывает он события давным-давно минувших дней.

А вот как отозвался о книге Георгий Мокеевич Марков: «Правдивая, поэтичная книга! Хорошо, доверительно написаны страницы о детстве и юности. Но совершенно превосходно написано все, что касается природы, жизни птиц и зверей. И очень все познавательно, строго научно, ново.

Сам я с малых лет таежник, кое-что тоже знаю о лесах, реках, птицах и зверях, но многое из Ваших наблюдений меня поразило. Ваша книга, несомненно, поможет людям еще глубже, трогательнее любить землю и все живое, что населяет ее...» Да, в этой книге особенно подкупает тема редкостного единения человека с природой о том, как любовь к природе, привитая в детстве, определила профессию, жизнь, судьбу писателя.

Самые теплые страницы книги посвящены отцу — учителю, заступнику, другу.

Из книги, из писем сына удалось узнать интересные и довольно подробные биографические сведения о Д. И. Звереве, каких у нас в архиве не найдешь. Формуляр на него как на чиновника, служившего по вольному найму, не велся.

Оказывается, родом он с Алтая, из крестьян села Сорокино (ныне г. Заринск). С помощью брата сумел закончить Томскую гимназию, затем Петербургский университет. Учился там на одном факультете с братом Ленина Александром Ульяновым, правда, на разных отделениях: Ульянов — на биологическом, Зверев — на математическом. По всей вероятности, они были знакомы. Знал Зверев и других участников неудавшегося покушения на Александра III.

Максим Дмитриевич слышал от матери, что отец даже принимал какое-то участие в подготовке покушения на царя. Но вот недавно в книге Вл. Сутырина «Александр Ульянов» (Москва, 1979) мне встретились такие строки: «Шевырев и Лукашевич пытались вовлечь в дело студента Зверева. Тот решительно отказался и назвал им фамилию Осипанова».

Выходит, не участвовал, его только пытались привлечь к участию, но он отказался. Почему, отчего, об этом мы вряд ли уже узнаем. Легче всего предположить: струсил. Но вспомним, что по документам Томского губернского жандармского управления Зверев с 30 апреля 1886 года, то есть почти за год до попытки покушения, находился под негласным надзором полиции. Вполне возможно, он знал, что за ним следит «недреманное око», и не хотел ставить под удар других. Конечно, эти догадки хорошо бы проверить по документам центральных архивов, но добиться командировки в Москву или Ленинград по столь «мелкому» вопросу — дело почти несбыточное.

По окончании университета Зверев посвятил свою жизнь земской статистике. Как и многие из революционно настроенной молодежи, он видел в ней лучшую форму служения народу: статистика сильнее динамита.

Служба его началась в Нижегородском земстве под руководством друга М. Горького и В. Короленко известного экономиста и писателя-народника Н. Ф. Анненского.

В голодный 1892 год молодой статистик Зверев с цифрами в руках смело выступил против лживых утверждений продовольственного комитета Лукояновского уезда, пытавшегося свалить вину за голод на самих же крестьян, их лень и склонность к пьянству. Благодаря Звереву наиболее нуждающиеся получили помощь и были спасены от голодной смерти.

В. Г. Короленко, сам принимавший активнейшее участие в деле помощи голодающим, позже писал в книге очерков «Голодный год»: «Любопытно, что в своеобразном стиле лукояновской полемики фамилия г. Зверева стала после этого нарицательной; вместо «г.г. статистики» Лукояновский продовольственный комитет писал в официальных отчетах: «г. г. Зверевы».

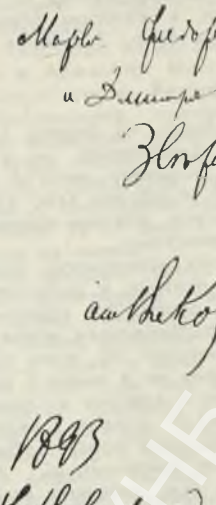
О близких отношениях с В. Г. Короленко свидетельствует его фотография с такой надписью на обороте: «Марии Федоровне и Дмитрию Ивановичу Зверевым. От В. Короленко, 1893 г. Нижний Новгород». Эта фотография, кстати, прекрасно сохранившаяся, теперь тоже находится в моей папке.

Есть в ней фотография и Глеба Успенского, с которым он также был знаком. А с Максимом Горьким одно время и жил в одном дворе. В честь Горького назвал родившегося в 1896 году сына, как ни протестовал против этого крестивший его священник Иоанн Горетовский.

Словом, Дмитрию Звереву везло на интересные знакомства. Впрочем, причина крылась скорее всего не в везении, а в том, что и сам он был человеком незаурядным.

Из Нижнего Новгорода Зверев переселился в Полтаву. Губернским статбюро здесь заведовал Ю. А. Бунин, а библиотекарем земства служил его юный брат Иван, начинающий писатель.

В. Н. Муромцева-Бунина пишет в своих воспоминаниях: «Статистик Зверев пригласил его поехать с ним на переселенческий пункт, откуда чуть ли не все отправлялись в Уссурийский край. Он под свежим впечатлением, что с ним бывало ред-



ко, написал рассказ, озаглавив его «На край света». Рассказ был написан в 1894 году и на следующий год опубликован в журнале «Новое слово» с посвящением «Д. И. Звереву».

С него, пожалуй, и началась писательская известность И. А. Бунина.

«Рассказ этот, — вспоминал он, критики так великодушно расхвалили, что прочие журналы начали приглашать меня сотрудничать».

На склоне лет в романе «Жизнь Арсеньева» Бунин вспомнил Зверева, вспомнил такими теплыми и лестными словами: «Ужасно понравился мне статистик Вагин, статистик, как я узнал потом, такой заядлый, что для него, казалось, во всем мире не существовало ничего, кроме статистики, — крепкий, рослый, белозубый, по-мужицки красивый и веселый, — он и был из мужиков, — хохотавший раскатисто и заразительно, говоривший крупно, окая».

О том, что под именем Вагина изображен Зверев, говорит не только совпадающая до мелочей портретная характеристика (это подтверждает Максим Дмитриевич), но и следующий отрывок из романа: «Однажды мы с Вагиным ездили в Казачьи Броды, старинное село в Поднепровье, были на проводах переселенцев, отправляющихся в Уссурийскую область». И здесь все совпадает, лишь изменено название села (в рассказе оно — Великий перевоз)[1].

Досадно, что в последних изданиях И. А. Бунина посвящение «Д. И. Звереву» в рассказе «На край света» оказалось почему-то снятым. Думается, что это несправедливо по отношению к «заядлому статистику», так полюбившемуся И. А. Бунину и к тому же ничем себя не запятнавшему.

Д. И. Зверев и в Сибири был в близких отношениях со многими интересными людьми. К нему, например, запросто заезжал, бывая в Барнауле, выдающийся путешественник, ученый, публицист, общественный деятель, один из популярнейших в ту пору людей в Сибири Григорий Николаевич Потанин.

С 1914 года хранит Максим Дмитриевич интереснейшую фотографию Г. Н. Потанина, сделанную им самим. (Теперь она тоже перекочевала в мою папку.) В том году Потанин в последний раз приехал к ним на заимку (дачу), и 18-летний Максим недавно подаренным ему фотоаппаратом сфотографировал «сибирского дедушку» в беседке, устроенной на сосне, срезанной на высоте в три человеческих роста. Необычная беседка была достопримечательностью зверевской заимки, и 79-летний Потанин не удержался от соблазна забраться туда.

Когда я показал фотографию одному из знакомых, тот воскликнул:

— Так я ж ее видел! Эта беседка находится в Барнаульском санатории.

Мне раньше не приходилось бывать в нашем санатории, поэтому в ближайший выходной, прихватив фотографию, я поехал туда удостовериться.

Да, сосна была та самая. Только боковые ветки ее, отходящие в стороны от среза и загибающиеся круто вверх, стали мощнее. И беседка сделана просторнее — танцевать можно, и лестница широкая, даже с перилами, а не переносная из двух плашек с набитыми поперечинами, что была при Потанине.

[1] При изложении истории знакомства Д. И. Зверева с В. Г. Короленко и И. А. Буниным я частично использовал данные, приведенные в очерке М. Брагина «Отцовское наследство». (Сборник «Дороги и встречи». Алма-Ата, 1974.)

Электронная библиотека КУНБ, elib.altlib.ru

У этой сосны, окруженной теперь многоэтажными корпусами санатория, стоял когда-то, в нескольких верстах от города, скромный домик, в котором семья Зверевых проводила лето. Заимка в бору...

4

«Заимка в бору, на берегу Оби, — пишет Максим Дмитриевич, — с юных лет и навсегда сблизила меня с природой. Именно ей я обязан тем, что впоследствии сделался ученым-зоологом и писателем-натуралистом».

Когда Максиму исполнилось семь лет, отец, страстный охотник и рыболов, впервые взял его на охоту. Она произвела на мальчика такое потрясающее впечатление, что он даже сочинил об этом рассказ, хотя был еще явно не в ладах с грамматикой, за что ему и влетело от отца.

Однако в письме к жене 9 июня 1903 года Дмитрий Иванович просит: «Пусть он продиктует тебе какой-нибудь рассказ для меня. При сем посылаю ему свой рассказ». Как видим, отец серьезно относился к каракулькам семилетнего сынишки, хотя и устраивал ему головомойки за безграмотность.

Первое сочинение на вольную тему в реальном училище Максим Зверев написал о красоте окрестностей Барнаула; первой публикацией в барнаульской газете «Жизнь Алтая» в 1917 году стал рассказ «Охота на волков».

Этот рассказ является началом писательской биографии Максима Дмитриевича. Однако истинное свое призвание он осознал не сразу. Да и время настало неподходящее для раздумий о призвании: война, революция.

Его всегда манил лес и лесные обитатели, но после окончания реального училища он волею обстоятельств оказался в Московском политехническом институте, оттуда с первого курса был взят в военное училище. Через четыре месяца, уже в бурном 1917, новоиспеченным прапорщиком вернулся в Барнаул, был избран солдатами в городской Совет, потом стал комендантом Барнаульского железнодорожного узла. После изгнания колчаковцев его, как довольно опытного специалиста, назначают военным диспетчером Томской железной дороги, а осенью 1920 года, уже как бывшего студента, зачисляют в Томский университет.

Наконец-то он выбился на свою доро-

На охоте (отец и сын Зверевы). 1914 г.

Электронная библиотека Алтайского края

гу! Со второго курса специальностью Максима Зверева на всю жизнь стала зоология позвоночных, точнее — изучение поведения диких животных.

Летом 1921 года он в составе экспедиции профессора В. В. Сапожникова выехал в Горный Алтай. Здесь он в одном из частных маральников увидел марала необыкновенной серебристо-белой масти, услышал от хозяина его необычную историю. Вернувшись из экспедиции, студент Зверев написал небольшую повесть «Белый марал», но показать ее решился одному знакомому в Ленинграде лишь шесть лет спустя! Похвальный пример для начинающих, не правда ли?

В 1929 году повесть вышла в свет. Она была тепло встречена критикой и читателями, о ней с похвалой отзывался Ефим Пермитин, но сам автор искренне продолжал считать себя ученым, не писателем.

Работа на краевой станции защиты растений, в Новосибирском зоопарке была связана с ежегодными экспедициями в самые глухие уголки Сибири. Исподволь накапливались наблюдения, росла картотека, заведенная еще в студенческие годы. «Незаписанные мысль, наблюдение, факт — потерянный клад» — эту истину он усвоил рано. Наряду с личными наблюдениями (а наблюдательность у него редкая), он заносит на карточки все интересное, что слышит от егерей, лесников, охотников и даже кое-что вычитанное из книг. Наряду с чисто научными сведениями в картотеке оседают меткие словечки, сравнения, даже описания пейзажей. Художник в нем явно соседствует с ученым, хотя наука пока берет верх. К сорока годам Зверев — автор нескольких десятков научных работ, завоевавших ему немалый авторитет в ученом мире, и всего лишь одной маленькой юношеской повести о белом марале.

Но вот в 1936 году в Новосибирске выходят сразу две его книжки: «Лесные встречи» и «В гнездах и норах». Однако и после этого он еще много лет совмещает научную работу с писательством. Нелегко давалось ему это совмещение! Писать приходилось в вагоне, самолете, автомобиле. Однажды, простояв ночь у окошечка билетной кассы на станции Ачинск, он сумел чуть не полностью закончить небольшую книжечку природоведческих рассказов «Там, где рождается Томь».

Сам иллюстрировал первые книги.

Писал немало, но мастерство пришло не сразу. Многим обязан первому и главному литературному наставнику — Виталию Бианки. Терпеливо, настойчиво, порой сурово даже учил он отсеивать словесную шелуху, добиваясь точности, краткости, простоты, что сам почитал за высшую красоту в художественном произведении.

Лишь в 1948 году, на шестом десятке лет, Максим Дмитриевич решается наконец целиком отдаться творчеству. Целиком ли? Ведь даже теперь, на девятом десятке, у него еще полдюжины солидных должностей и общественных нагрузок в Союзе писателей Казахстана, Алма-Атинском заповеднике, зоопарке, Обществе охраны природы, Союзе охотников и рыболовов!..

С 1937 года М. Д. Зверев живет и работает в Алма-Ате. Много лет жизни отдано им зоопарку, который он сам создавал, заповеднику, преподавательской работе в Казахском университете. Но заимка в бору, тихие улочки старинного сибирского города, где прошли-промчались детские и юношеские годы, — можно ли их забыть? «Я — Ваш!!» — восклицает он в одном из писем.

Сто тридцать шесть книжек написал Максим Дмитриевич Зверев. Они издавались, кроме Алма-Аты, в Москве, Ленинграде, Киеве, Иркутске и ряде других городов, а также в семи зарубежных странах. В 1975 году его книга «Волчок из Бетпакдалы» получила в ФРГ премию как лучшая книга года. Достойно сожаления, по-моему, что в этом перечне нет Барнаула, родного города писателя. Общий тираж его книг превышает 12 миллионов экземпляров. А кто сосчитает, сколько детей по его книгам научились любить природу, получили о ней знания, которые не вычитаешь в учебниках! Да и только ли детей?

«Трудно сказать, — писал Михаил Пришвин, — для кого больше написаны правдивые и занимательные книжки М. Зверева — для детей или взрослых. Те и другие прочтут их с удовольствием».

Двумя орденами «Знак Почета» и орденом Дружбы народов отмечена литературная деятельность Максима Зверева.

«Наконец вышла книга «Когда гаснет гнев»! А тут новое дело — надо сдать к октябрю еще одну новую книгу-сборник «Сказки бабушки Черепахи», тоже 15 печ. листов... А с весны 1983 года начнется работа над собранием сочинений. Два тома уже сданы. Подписал на днях третий контракт на большую книгу с Берлинским Детгизом (ГДР) и еще один контракт с Софией (Болгария) на большую книгу «Кладовая чудес». Как видите, еще в рабочем седле...»

Да, такой работоспособности позавидуют и молодые!

В декабре 1982 года постановлением ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР Максиму Дмитриевичу Звереву за книги «Заимка в бору» и «Окно в природу» была присуждена Государственная премия имени Абая. Этой премии он удостаивается второй раз. (Впервые — в 1976 году за книгу «У лесного костра».)

Отец и сын... Скоро моя папка получит номер, заголовок и ляжет на полку архивохранилища. Станет архивным «делом».

Кому-то когда-то, думаю, пригодится это собранное по листочку «дело» о жизни скромного земного статистика и его сына, выдающегося писателя-натуралиста, наших земляков.

А меня ждет новый поиск, и я уже примерно знаю, какой. Пора заводить новую папку...